

Научная статья

УДК 94(574):314.7:342.71"18/19"

doi: 10.17223/19988613/97/16

Внешние миграции приграничного населения центрально-азиатских окраин Российской империи и проблема их подданства (80-е гг. XIX – начало XX в.)

Юлия Александровна Лысенко

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, iulia_199674@mail.ru

Аннотация. В 80-е гг. XIX в. завершилось территориально-пограничное размежевание между Россией и Китаем в Центральной Азии. Приграничное население региона, несмотря на установленную границу, продолжало совершать сезонные миграции, нарушая установленные законом правила ее перехода. Это побудило российские власти решать вопрос о юридическом статусе мигрантов. В ходе дискуссии, длившейся почти 10 лет, предлагалась крайняя мера – лишение перешедших в пределы Китая российского подданства. Однако в конечном итоге от данной идеи пришлось отказаться в силу ряда обстоятельств.

Ключевые слова: Россия, Китай, граница, казахи, миграции, подданство

Для цитирования: Лысенко Ю.А. Внешние миграции приграничного населения центрально-азиатских окраин Российской империи и проблема их подданства (80-е гг. XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 128–135. doi: 10.17223/19988613/97/16

Original article

External migrations of the border population of the Central Asian outskirts of the Russian Empire and the problem of their citizenship (the 80s of the XIX – early XX century)

Yuliya A. Lysenko

Altai State University, Barnaul, Russian Federation, iulia_199674@mail.ru

Abstract. The presented article analyzes the discussion of the central and regional authorities of the Russian Empire on the legal status of the border population of the Steppe Region, forced by various circumstances, without obtaining a legally prescribed permit, to make seasonal migrations to the Chinese Empire.

The research was based on the materials of the office of the Ministry of Foreign Affairs, the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Justice and the Ministry of War of the Russian Empire, the Office of the Governor-General of the Steppe, deposited in the Russian State Historical Archive and introduced into scientific circulation for the first time. Among them: interdepartmental correspondence and reports, certificates, conclusions and reports of interdepartmental commissions, instructions developed to regulate the legal status of migrants.

Based on the analysis of the research sources, it was revealed that the problem of the legal status of the border Kazakh nomadic population and the settled agricultural population - Dungan and taranche, was associated with the signing in 1881 of the St. Petersburg Treaty between the Russian and Chinese Empires and the subsequent border demarcation between the two states in Central Asia. Due to a whole range of socio-economic reasons, the border population of the Steppe region of the Russian Empire, in violation of the procedure established by law, made the transition to the chapels of the Chinese Empire and remained there for a long period of time. This prompted the Russian authorities to begin addressing the issue of the legal status of this category of the population in the context of the deprivation of their Russian citizenship. The discussion spanned two decades. During it, the causes of migration, the number of migrants, including those who returned, were clarified; the situation with their payment of taxes to the Russian treasury was analyzed; the issues of re-allotment of arable and pasture lands to remigrants were resolved.

In general, it should be noted that the Russian authorities took a fairly balanced approach to the problem of the legal status of the border population of the Steppe Region and Turkestan, who crossed into the Chinese Empire. The result of a long-term discussion about their legal status was the announced decision of the Government Senate to consider each specific situation separately and the refusal to adopt a regulatory act that deprived the border residents of the Steppe Region and Turkestan who had moved to China of the status of a Russian citizen.

Keywords: Russia, China, border, Kazakhs, migration, citizenship

For citation: Lysenko, Y.A. (2025) External migrations of the border population of the Central Asian outskirts of the Russian Empire and the problem of their citizenship (the 80s of the XIX – early XX century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 128–135. doi: 10.17223/19988613/97/16

Миграции являются одним из ключевых факторов политического и социально-экономического развития многих государств, в том числе Российской Федерации. Усиление миграционных потоков – естественный процесс глобализации наряду с увеличением потоков товаров, услуг и капитала. Однако, как отмечают исследователи, «в отличие от последних, международные перемещения людей до сих пор остаются объектом преимущественно одностороннего управления» [1]. В значительной степени это обусловлено совокупностью тех вызовов и угроз, которые несут миграции принимающим и посылающим сообществам в сфере экономической, культурно-цивилизационной, социальной безопасности.

В связи с этим значительный научный интерес представляет изучение исторического опыта регулирования миграционных потоков в региональном контексте, в частности опыта Российской империи, связанного с формированием государственных подходов к эффективной сбалансированной миграционной политике в отношении приграничного населения центрально-азиатских окраин – Степного и Туркестанского генерал-губернаторств. Заинтересованность правительственных кругов в решении данной задачи была обусловлена активным развитием во второй половине XIX в. российско-китайского взаимодействия в вопросах пограничного размежевания и демаркации границы между двумя империями в данном трансграничном регионе [2]. Как известно, Тяньцзиньский трактат 1858 г., дополненный Пекинским дополнительным договором, и Чугучакский протокол 1864 г. в целом определили контуры российско-китайской границы в Центральной Азии. Последовавшие уйгурские антицинские восстания и ввод российского военного контингента в пределы Илийского края отложили процесс демаркации границы. В 1881 г., после подписания Петербургского протокола и возвращения Китая Илийского края, данная работа была успешно завершена [3].

Формирование российско-китайской границы в Центральной Азии породило ряд новых межгосударственных проблем, одной из которых стала нелегальная миграция приграничного населения. Российская империя, заинтересованная в сохранении социальной стабильности и демографического потенциала в данном этнорегионе, его устойчивом и эффективном развитии, стала предпринимать определенные шаги, направленные на урегулирование незаконной миграции.

Вопросы миграции и миграционной политики всегда находились в фокусе внимания исследователей. В современной историографии проблемы сформировалось несколько направлений и школ, рассматривающих социокультурные аспекты миграционных процессов, сегментации рынков, этностратификацию, мигрантские сети и формирование этнических анклавов, социально-экономические, культурно-бытовые и социально-психологические адаптации мигрантов, миграций и миграционную политику в увязке с перспективами социально-экономического, политического и демографического развития России [4–7].

Вопросы миграции казахского кочевого населения в историографии достаточно детально исследованы в контексте внутренних перекочевок в пределы России

в середине XVIII – начале XIX в. – в период присоединения региона к империи. Исследователи отмечают, что в результате начавшейся миграции центральные и региональные власти столкнулись с острой проблемой – регламентацией переселения и определения социального статуса казахов на российской территории [8, 9]. В гораздо меньшей степени исследованы внешние миграции приграничного населения Степного края и Туркестана во второй половине XIX – начале XX в. Некоторые аспекты данной проблемы анализируются в рамках российско-китайских отношений и погранично-территориального размежевания между двумя государствами в Центрально-Азиатском регионе. Особую научную ценность в данном контексте представляют труды Н.Е. Бекмахановой, Н.В. Алексеенко, М.Б. Татинова, Б.П. Гуревич, К.Л. Сыроежкина [10–14]. Взаимодействие российских и китайских пограничных властей в вопросах регулирования миграции, механизмы учета мигрантов и их адаптивные практики исследованы в работах Г.М. Мендикуловой [15], Г.К. Мукановой [16]. Данная статья представляет собой попытку выявления масштабов внешней миграции приграничного населения центральноазиатских окраин Российской империи в пределы Китая, ее причин, анализа дискуссии органов государственной власти с целью ее контроля и координации.

Источниковой базой исследования выступили материалы делопроизводства центральных и региональных органов власти Российской империи, канцелярии степного генерал-губернатора, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве и впервые вводимые в научный оборот. Среди них – межведомственная переписка и донесения, справки, заключения и отчеты межведомственных комиссий, инструкции, разработанные для урегулирования правового статуса мигрантов.

Методологической основой исследования выступает цивилизационный подход, позволяющий оценивать несанкционированную миграцию кочевого населения центральноазиатских окраин Российской империи в пределы Китая и реакцию на это российских государственных структур с позиции мировоззренческих особенностей кочевых и оседло-земледельческих обществ. Это, в свою очередь, порождало со стороны их представителей несхожесть восприятия, оценок и практических действий в конкретно-исторических ситуациях. Историко-системный метод позволил рассматривать решение вопроса о юридическом статусе мигрантов центральноазиатских окраин Российской империи в контексте тех исторических событий, которые происходили в регионе в исследуемый период. Историко-генетический метод был направлен на выявление причин массовой откочки населения Степного края и Туркестана в пределы Цинской империи.

Как известно, на основании Петербургского договора 1881 г. состоялась передача Кульджинского района Илийского края Цинской империи, и, соответственно, была проведена новая государственная граница между Западным Китаем и Степным и Туркестанским генерал-губернаторствами Российской империи. Часть населения Илийского края – таранчи, дунгане, казахи –

участники антицинских волнений 60–70-х гг. XIX в., опасаясь преследования со стороны китайских властей, выразили желание принять российское подданство и переселиться в пределы Туркестанского генерал-губернаторства. Землеустройство таранчей и дунган было проведено на правом берегу р. Хоргоса в Джаркентском, Верненском и Пишпекском уездах Семиреченской области. Казахов расселили на землях Иссык-Кульского (Пржевальского), Копальского и отчасти Верненского уездов Семиреченской области [17. Л. 200].

Последовавшее после подписания Петербургского договора 1881 г. российско-китайское пограничное размежевание в Центральной Азии, было проведено, по мнению российских властей, «в поспешности». В результате оказалось, что «интересы русского пограничного населения не были достаточно соблюдены по неимению в то время подробных карт пограничного пространства и малого знакомства наших комиссаров с местными условиями и земельными интересами русско-подданных кочевников» [17. Л. 136]. Суть проблемы сводилась к тому, что при проведении новой границы земельные пастбищные угодья, которыми пользовались казахи-кочевники, были разделены и вошли в состав как Российской, так и Цинской империи. Казахи одних и тех же родовых подразделений оказались по разные стороны границы.

Сложившаяся ситуация привела к массовым откочевкам скотоводов с территорий Семипалатинской и Семиреченской областей в пределы Китая «к своим соотечественникам и на бывшие свои земли» [17. Л. 136 об.]. Имелись и другие причины массовой откочевки кочевников, начавшейся в 1883 г. Среди них местные власти указывали: «партийную борьбу» между влиятельными родовыми подразделениями; стремление отдельных казахов избежать уголовного преследования за преступления, совершенные в Российской империи; более плодородные и орошаемые земельные угодья, которые предоставляли китайские власти перешедшим казахам, желание укрыться от долгов, надежды поправить свое экономическое положение.

Вслед за казахами в пределы Цинской империи устремились таранчи и дунгане, пожелавшие ранее принять российское подданство. Причинами их массового переселения в пределы Китая стали неудовлетворенность качеством земельных угодий, которые им предоставили в пользование, отсутствие на них оросительных систем и, как следствие, крайне низкие доходы от обработки земли и выращивания урожая [17. Л. 200].

Следует отметить, что проблема миграций приграничного населения Степного и Туркестанского генерал-губернаторств в пределы Цинской империи была обусловлена также незнанием им правовых механизмов перехода границы. По сути, это были самовольные, а значит, незаконные миграции, без уведомления региональных властей о планируемом переходе границы и получения для этого специального разрешения. Именно поэтому в делопроизводстве центральных и региональных органов власти данную категорию мигрантов называли беглецами, откочевщиками, перебежчиками, стремясь придать отрицательную коннотацию их действиям.

Сама же возможность массового перехода приграничного населения Степного и Туркестанского генерал-губернаторств в пределы Цинской империи объяснялась российскими властями «легкостью перехода границы вследствие недостатка пограничного и таможенного надзора». Обращения к приграничным китайским властям с просьбой о выдаче беглецов игнорировались [17. Л. 208].

Местные органы власти Степного и Туркестанского генерал-губернаторств предпринимали определенные шаги к пресечению побегов приграничного населения в пределы Китая. В частности, все пограничное пространство с целью «упорядочения надзора со стороны передовых казачьих постов» было разделено на районы, а вдоль границы высылались разъезды, обязанные следить за передвижением приграничного населения и пресекать их попытки перехода в пределы Китая. Проводилась также разъяснительная работа среди приграничного населения. В частности, их знакомили с заключенными с Китаем торгово-пограничными соглашениями, с российским законодательством в области миграций. Неблагонадежные инородцы, «склонные к побегам в пределы Китая», передавались под личный контроль местных органов самоуправления – волостных управителей и аульных старшин, или удалялись от границы во внутренние волости Степного генерал-губернаторства. На аульные общества, к которым принадлежали перебежчики, возлагалась ответственность выплаты за них всех установленных законом налогов. Кроме этого, степной генерал-губернатор Г.А. Колпаковский предпринял попытку договориться с властями Синьцзяна о недопущении перекочевки казахов – российских подданных – в пределы Китая. Однако данная мера, как и все вышеперечисленные, не имели особого эффекта: численность самовольных переходов пограничного населения российско-китайской границы постоянно увеличивалась [17. Л. 205 об.].

Поэтому в 1894 г. генерал-губернатор Степного края М.А. Таубе обратился в Министерство иностранных дел Российской империи с ходатайством «не препятствовать недовольным наделами пограничным туземцам переходить на китайскую территорию, но с тем, чтобы таких лиц считать самовольно оставившими Отечество». В случае их возвращения предлагалось применять по отношению к ним ст.ст. 354–355 Уложения о наказаниях, предусматривающие «лишение всех прав состояния и вечное из пределов государства изгнание, или в случае самовольного потом возвращения в Россию – ссылку в Сибирь на поселение» [18]. Год спустя М.А. Таубе повторно озвучил свое предложение во Всеподданнейшем отчете о состоянии вверенного ему края, акцентируя внимание на проблемах, возникающих вследствие «побегов казахов, дунган и таранчей в пределы Китая». «В настоящее время, – отмечал он, – было бы наиболее рационально, не удерживая в наших пределах инородцев, недовольных наделами, и во всяком случае не возбуждая бесполезной переписки об обратном водворении их, исключать их из списков (податных списков. – Ю.Л.) и в случае обратного водворения подвергать законной ответственности» [17. Л. 208 об.].

Данные предложения породили в правительственных кругах межведомственную дискуссию о судьбе приграничного населения центрально-азиатских окраин Российской империи. МВД после согласования своих позиций с Военным министерством и МИД предложило самовольно откочевавших казахов, таранчей и дунган лишать российского подданства. Российским консулам в Китае рекомендовалось отказывать мигрантам «в покровительстве и не принимать в Россию даже в том случае, если китайские власти будут просить об обратном водворении эмигрантов» [17. Л. 137 об.].

К решению проблемы подключилось и Министерство финансов. В 1897 г. оно выступило с инициативой провести уездным начальникам и податным инспекторам Семипалатинской и Семиреченской областей перепись кибитководельцев с целью уточнения численности откочевавших в пределы Китая, а также исключить откочевщиков из податных списков. Платежи текущих окладов и недоимок, образовавшихся в результате массовых откочевок казахов, предлагалось возложить согласно ст. 148 Степного положения на аульные общества, к которым они были причислены до момента откочевки [17. Л. 138].

Таким образом, параллельно с вопросом выработки механизма лишения российского подданства самовольных мигрантов актуализировалась проблема их исключения из окладных списков. В рамках действовавших Положения об управлении Туркестанским краем 1886 г. и Степного положения 1882 г. недоимки по налоговым выплатам ложились бременем на аульные и сельские общества. Была очевидной необходимость принятия решения по данной ситуации, с тем чтобы «освободить общества от обременительных податных платежей за самовольно оставляющих свое отечество казахов, таранчей и дунган» [17. Л. 210 об.].

Как известно, по Временным положениям об управлении степными областями 1868 г. казахи выплачивали покибиточную подать, составлявшую 1,5 руб. с кибитки / домовладения / землянки. Таким образом, они были освобождены от подушной подати. Покибиточный налог, по сути, представлял оброчную подать, выплачиваемую скотоводами за пользование пастбищными и сенокосными угодьями. Его раскладка производилась один раз в три года по результатам проведения переписи кибиток в каждой административной единице Степного края и Туркестана [19].

Для решения проблемы снятия с аульных обществ обязанности выплачивать налоги за перешедших в пределы Цинской империи соплеменников МВД предложило исключать их окладных списков после тщательной проверки уездными начальниками. Дунгане и таранчи, являясь земледельцами, налогооблагались в рамках действовавшего законодательства не подушной податью, а выплатой оброчной подати, размер которой определялся количеством земли, находившейся в их пользовании. В связи с этим Министерство финансов предложило поставить вопрос об освобождении покинутых ими наделов от обложения оброчной податью и земскими сборами. Но для это необходимо было провести ряд предварительных работ, а именно выяснить, всем ли бежавшим в китайских пределы были отведе-

ны наделы, заброшены данные наделы или они перешли в пользу обществ или отдельных их членов, какой статус следует принимать в отношении таких наделов, возвращать их в фонд государственных земель или оставлять новым хозяйствам, если такие появились [17. Л. 142об.–143].

На основе рекомендаций Министерства финансов в отношении перешедших в пределы Цинской империи российских подданных было принято решение провести специальное расследование для определения их численности и мотивов переселения. Решение данной задачи было возложено на Семиреченское областное присутствие, которое сразу же столкнулось с проблемой определения численности мигрантов. Так, по данным генерал-губернаторов Степного края Г.А. Колпаковского и М.А. Таубе, которыми оно располагало, в период с 1883 по 1893 г. в пределы Китая переселились 3 000 казахов, или около 600 семейств (кибитководельцев).

В разрезе по годам ситуация складывалась следующим образом: с 1870 по 1885 г. откочевало 7 кибиток, в 1886 г. – 5, в 1887 г. – 7, в 1888 г. – 28, в 1889 г. – 12, в 1890 г. – 29, в 1891 г. – 16, в 1892 г. – 96, в 1893 г. – 38, в 1894 г. – 126, в 1895 г. – 152, в 1896 г. – 119, в 1897 г. – 89, в 1898 г. – 38 кибиток. Однако в отчетных документах отмечалось, что региональным властям так и не удалось выяснить, когда произошла откочевка еще 653 кибиток. При этом указывалось, что, по более поздним сведениям, с 1883 по 1898 г. их численность увеличилась до 1 977 кибиток [17. Л. 139–139 об.]. После проведения обследования Зайсанского уезда Семипалатинской области Степного края, осуществлявшегося податным инспектором зайсанского участка, зайсанским уездным начальником, старший чиновник особых поручений при губернаторе Семипалатинской области, выяснилось, что по старым спискам бежавших в Китай по Зайсанскому уезду значилось 1 967 кибитководельцев, тогда как по вновь составленным в 1901 г. эта цифра понизилась до 1 523, т.е. число сократилось на 444 кибитки [17. Л. 144].

Таким образом, региональные власти так и не смогли точно выявить численность откочевавших в Китай казахов-скотоводов. В то же время удалось установить, что высоким был процент возвращавшихся обратно. Так, по данным генерал-губернатора Степного края Н.Н. Сухотина, из числа бежавших в Китай с 1883 по 1893 г. 600 кибиток к 1902 г. числилось в бегах только 200. Остальные 400 кибитководельцев с семьями вернулись в пределы Российской империи. Причем массовые перекочевки казахов в Китай наблюдались в 1892 и 1894–1896 гг., т.е. в годы, наиболее неблагоприятные для скотоводческих хозяйств Степных областей, когда произошел массовый падеж скота от бескормицы [17. Л. 210]. На основании полученных результатов власти пришли к выводу о сезонном характере миграционных перемещений казахов «в зависимости от тех или других экономических условий». В отношении невозвращенцев удалось выявить, что значительная их часть, проживающая в Китае по консульским билетам, продолжала платить кибиточную подать и земские повинности в пользу Российской казны [17. Л. 140].

На основании этих данных МИД сделало заключение, что «перекочевки казахов в приграничные области Китая, составляющие обычное явление, обусловленное особенностями пастушеского скотоводческого хозяйства и родственными связями наших казахов с китайскими, сопровождается за последнее двадцатилетие, после проведения новой государственной границы с Западным Китаем, водворением в последнем на постоянное жительство значительного числа кочевников, продолжающих, однако, числиться в окладе податей по месту своей прописки в подлежащих волостях Степного края, и в частности в Семипалатинской области».

Самовольный сезонный характер миграций казахов-скотоводов снимал вопрос о лишении их российского подданства. В связи с этим МВД признавало, что «необходимо быть более осторожным, не исключать ныне же из подданства тех казахов, которые по последнему доставленному списку значатся бежавшими в Китай». Нельзя было также упускать из виду, что малочисленность уездной и волостной администрации Семипалатинской области породила сложности в фактической проверке наличного состава кочевого населения региона. В списки могли попасть казаки, имевшие статус «временно отлучившихся», «исключение коих из подданства, со всеми тяжелыми для исключаемых последствиями, представлялось бы нежелательным». Поэтому МВД призывало «тщательно изучать причины откочевки», определить признаки откочевки на постоянное место жительство в Китае. К их числу предлагалось относить продажу казаками деревянных домов и хозяйственных построек, уступку другим лицам сенокосных земель и пашен и т.д. [17. Л. 212].

Неоднозначной была ситуация с дунганами и таранчами. По заключению Семиреченского областного присутствия отмечалось, что всех их, самовольно перешедших в пределы Цинской империи, можно поделить на две группы. К первой были отнесены дунганы и таранчи, «ушедшие по существующим наглядным признакам навсегда». Этими признаками являлись «полное расстройство и уничтожение хозяйства», а также уход всех членов семьи. Вторую группу составили «ушедшие временно, на заработки». По сведениям, поступившим к 1 сентября 1901 г. из Семиреченского областного присутствия, численность дунган-переселенцев составила 198 человек, таранчей – 3 493, казахов – 1 898 человек. При этом в отчете отмечалась ситуация, характерная и для Семипалатинской области, – невозможность более точного учета численности приграничного населения, покинувшего пределы Туркестанского края Российской империи. Семиреченское областное присутствие предложило исключить из окладных списков казахов, не вернувшихся обратно. В отношении дунган и таранчей рекомендовалось сформировать специальные комиссии под председательством уездных начальников, податного инспектора, местного лесничего, межевого техника и ирригатора, которые и должны были выявить данные о судьбе земельных участков, оставленных мигрантами [17. Л. 206].

По результатам проведенных исследований в 1901 г. Областным присутствием Семиреченской области была разработана Инструкция, в которой нашли отраже-

ние механизмы лишения российского подданства самовольных мигрантов – казахов, дунган и таранчей, и исключения их из окладных списков. В частности, в Инструкции рекомендовалось:

1. Исключать из российского подданства и из оклада податных и земских сборов казахов, перешедших в пределы Китая «в первый же переучет кибиток, производящийся согласно ст. 138 Степного положения через каждые три года». В период до переучета кибиток и, соответственно, исключения из подданства казахов, перешедших в пределы Китая, выплату покибиточной подати и других сборов оставлять «на ответственности аульных и волостных обществ», к которым были причислены мигранты.

2. Земельные наделы исключенных из подданства оседлых инородцев – дунган и таранчей – передавать в пользу обществ или оставлять «в пользовании членов семьи, оставшихся в местах приписки, если последние пожелают принять данные наделы».

3. Инородцев, ушедших в Китай «по установленным видам», не возвратившихся «к местам причисления в течение одного года после истечения паспортного срока», считать ушедшими в Китай навсегда и исключать из российского подданства и посемейных списков.

4. Исключенных из российского подданств инородцев в случае их желания возвратиться в Россию принимать «в российское подданство на общем основании, установленном для инородцев, по наведении надлежащих справок об их благонадежности».

5. Время самовольного ухода инородцев в Китай устанавливать «по распоряжению уездного начальника полицейскими дознаниями, которые сосредоточиваются в уездных управлениях. Без подобных дознаний исключения из подданства не производить [17. Л. 144–145 об.]».

Разработанная Семиреченском областным присутствием Инструкция была направлена в центральные и региональные органы государственной власти, что вызвало новый виток межведомственной дискуссии и переписки. Туркестанский генерал-губернатор, в целом одобрив ее основные положения, высказался категорически против пункта, предоставлявшего мигрантам возможность обратного принятия российского подданства. Он считал, что это противоречит российскому законодательству и предлагал в связи с этим исключить данный пункт из Инструкции, лишив, таким образом, мигрантов возможности возвращения в Российскую империю [17. Л. 203 об.]

Данное предложение поддержало МИД, отмечая, что «исключение беглецов из русского подданства со всеми последствиями такового представлялось бы вполне соответственным, тем более к приведению меры этой вполне едва ли могли бы встретиться препятствия международного характера, ибо, по заявлению консула Кульджи, Илийские власти сами домогаются передачи сказанных инородцев в китайское подданство» [17. Л. 203 об.]. В заключении МИД по данному вопросу отмечалось, что предоставление мигрантам возможности возвращения в пределы Российской империи и получения российского подданства противоречит ст. 345 Уложения о наказаниях, строго карающей «самоволь-

ное оставление отечества». Чиновниками Министерства допускалась возможность повторного перехода границы приграничным населением Степного и Туркестанского генерал-губернаторств, что повлекло бы, в свою очередь, повторное исключение их из подданства Российской империи. Переселение в Китай некоторой части населения приграничных с ним центральноазиатских территорий России представлялось чиновниками МИД как «выгодное». Это связывали с имеющимся в Семипалатинской и Семиреченской областях дефицитом пригодных для занятия сельским хозяйством земельных угодий, обострившимся в связи с набравшим темпы переселением крестьянства их европейской части страны. В заключении МИД по этой ситуации отмечалось: «Возвращение в область покинувших ее беглецов едва ли представлялось бы выгодным для нас и в экономическом отношении, так как оно приносило бы ущерб и без того стесненному в землепользовании местному населению» [17. Л. 204]. В аналогичном контексте свои позиции по содержанию Инструкции Семиреченского областного присутствия в 1902 г. высказали Министерство юстиции и Военное министерство.

В начале 1903 г. весь пакет документов по делу о лишении российского подданства приграничного населения Степного и Туркестанского генерал-губернаторств поступил в Комитет министров. Данный вопрос на его заседаниях рассматривался дважды, 7 и 21 января этого года. В протоколах заседаний отмечалась крайне противоречивая информация о численности перешедших в пределы Цинской империи российских подданных и вернувшихся обратно, причинах их массовых переходов. На основании этого Комитет министров отказался утверждать разработанную Семиреченским областным правлением Инструкцию по исключению перебежчиков из русского подданства и рекомендовал региональным органам власти еще раз «проверить списки перешедших в китайские пределы казахов», их статус в пределах Китайской империи.

Комитет Министров также рекомендовал исключать из податного оклада тех казахов-кочевников, которые были обложены видом личной подати – кибиточным сбором, только после того, как будет установлен факт их «окончательного выбытия из пределов Российской империи». В отношении «перебежчиков из оседлого населения – дунган и таранчей», обложенного не подушной, а оброчной податью, взимаемой по количеству земли, которой владела семья, Комитет высказал автономную позицию. Он не согласился с заключением Министерства финансов, предлагавшим выплату налога за земли, оставленные мигрантами, перекладывать на физические лица, в распоряжение которых они перешли, учитывая предоставленные Военным министерством данные о том, что мигрировавшие в Китай дунгане и таранчи могли возвращаться в Российскую империю и по прошествии 5–6 лет. Комитет министров предлагал «к вопросу об изменении назначения отведенных инородцам земельных угодий относиться весьма осторожно». Поэтому он поддержал предложение МВД передавать земельные угодья данной категории в ведение Министерства земледелия и

государственных имуществ, предварительно проводя их обследование специально создаваемыми комиссиями с целью выявления их качества для эффективного земледельческого хозяйства.

Что касается земельных угодий, находившихся в пользовании казахов-скотоводов, то после перехода их в пределы Китая региональным властям рекомендовалось следовать прим. 1 к ст. 120 Степного положения. На его основании земли, оказавшиеся излишними для кочевников, должны были поступать в ведение Министерства земледелия и государственных имуществ [17. Л. 206]. Ему рекомендовалось передавать земли данной категории в Переселенческий фонд Степного края «для целей русской колонизации». Такие меры признавались крайне эффективными с точки зрения заселения «русскими людьми без тяжелых последствий нашей пограничной черты с Китаем» [17. Л. 142].

К вопросу о лишении российского подданства перешедших в пределы Китая приграничных жителей центральноазиатских окраин Российской империи Комитет министров призвал органы государственной власти подойти более взвешенно. По его мнению, следствием принятия данного решения могло стать «поголовное привлечение к ответственности за самовольное оставление отечества всего пограничного киргизского (казахского. – Ю.Л.) населения» [17. Л. 140 об.].

Среди аргументов, которые приводились в пользу отказа от лишения подданства казахов, откочевывающих в пределы Китая, члены Комитета приводили ряд аргументов. Во-первых, подчеркивалось, что миграции через российско-китайскую границу обусловлены неправильным ее проведением. Во-вторых, подобные сезонные перекочевки признавались «обычным явлением», опосредованным особенностями хозяйственно-культурного типа казахов – кочевым скотоводством. Тезис подтверждался материалами Объяснительной записки сенаторской комиссии Плеве, составившей проект Положения об управлении Степным краем в 1880 г. В ней, в частности, было отмечено, что сложно проектировать его границы «при неопределенности характера передвижения кочевых инородцев, переходящих не только из пределов одной области в другую, но и выкочевывающих иногда даже за границы русских владений и при неточной еще до сих пор неизвестности самого пространства Степных областей» [17. Л. 141]. В подтверждение данного тезиса приводились данные МВД о том, что часть казахов Уральской области ежегодно откочевывает в пределы Хивинского ханства и Бухарского эмирата, в Афганистан. При этом они оставались на территориях этих государств продолжительное время, на этот период их исключали из списков окладных податей, сохраняя российское подданство.

Приводился и третий аргумент в пользу невозможности исключения казахов, перешедших в пределы Китая, из российского подданства. Отмечалось, что в силу специфики их цивилизационного развития, опосредованного кочевым образом жизни, у них не сформировались в полной мере «понятий о правах и обязанностях», связанных с вхождением в состав Российской империи и приобретением статуса подданных [17. Л. 141 об.].

В целом, отмечая, что при проведении тщательного анализа каждой конкретной ситуации, связанной с самовольной миграцией приграничного населения Степного края и Туркестана, Комитет Министров не исключал целесообразности лишения отдельных мигрантов статуса российского подданного. Для этого он предложил разработать отдельный нормативно-правовой акт, регламентирующий вопросы и механизмы лишения российского подданства выходцев из Семиреченской и Семипалатинской областей. При этом в итоговом заключении Комитета Министров рекомендовалось процедуру лишения подданства запускать только после «испрошения Высочайшего соизволения через Комитет Министров в определенном для сего порядке». Дальнейшие процедуры, связанные с запуском процесса лишения российского подданства, рекомендовалось осуществлять в тесном взаимодействии с МИД, Министерством финансов, Министерством земледелия и государственных имуществ. Мнение Комитета Министров от 17 января 1903 г. было высочайше утверждено императором Николаем II [17. Л. 203 об.].

Таким образом, проблема юридического статуса приграничного казахского кочевого населения и оседло-земледельческого – дунган и таранчей, была связана с подписанием в 1881 г. Петербургского договора между Российской и Цинской империями и последовавшим пограничным размежеванием между двумя

государствами в Центральной Азии. В силу целого комплекса причин социально-экономического характера приграничное население Степного края Российской империи в нарушение установленного законом порядка совершало переходы в пределы Цинской империи и оставалось проживать там и течение продолжительного времени. Это побудило российские власти приступить к решению вопроса о юридическом статусе данной категории населения в контексте лишения их российского подданства. Дискуссия развернулась на два десятилетия. В ходе нее выяснялись причины миграций, численность мигрантов, в том числе вернувшихся обратно, анализировалась ситуация с выплатой ими налогов в российскую казну, решались вопросы повторного наделения пахотными и пастбищными угодьями реэмигрантов.

В целом следует отметить, что российские власти достаточно взвешенно подходили к проблеме юридического статуса приграничного населения Степного края и Туркестана, совершавшего переходы в пределы Цинской империи. Итогом многолетней дискуссии о их юридическом статусе стало возмеченное решение Комитета Министров рассматривать каждую конкретную ситуацию отдельно и принимать решение о лишении статуса российского подданного перешедших в пределы Китая приграничных жителей Степного края и Туркестана в исключительном случае.

Список источников

1. Троицкая О.В. Международный миграционный режим // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 2 (29). С. 142–152.
2. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии. Барнаул : Азбука, 2003. 346 с.
3. Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора. М. : Памятники исторической мысли, 1995. 440 с.
4. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М. : Диалог-МГУ, 1999. 370 с.
5. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества : деятельностно-структурная концепция. М. : Дело, 2002. 541 с.
6. Мукомель В.И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты / Ин-т социологии РАН. М. : Диполь-Т, 2005. 351 с.
7. Национальные меньшинства. Правовые основы и практика обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в субъектах юга Российской Федерации / под ред. В.И. Мукомеля. М. : Диполь-Т, 2003. 294 с.
8. Анисимова И.В. Позиции центральных и региональных властей по вопросу о регламентации миграции казахов в южносибирский регион // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 199–202.
9. Тынысов Б.А. Расселение казахов на территории Омского Прииртышья (конец XIX – первая треть XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 142–149.
10. Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии (последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в.). М. : Наука, 1980. 280 с.
11. Алексеев Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). Алма-Ата : Наука Казахской ССР, 1981. 112 с.
12. Татимов М.Б. Развитие народонаселения и демографическая политика (социально-философские аспекты системного изучения и комплексной разработки). Алма-Ата : Наука, 1978. 144 с.
13. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1983. 309 с.
14. Сыроежкин К.Л. Казахи в КНР : очерки социально-экономического и культурного развития. Алматы : Ин-т развития Казахстана, 1994. 122 с.
15. Мендикулова Г.М. Казахская диаспора история и современность. Алматы : Гылым, 1997. 262 с.
16. Муканова Г.К. Эмиграция казахов в Сибирь в последние годы XIX – начале XX вв. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : тез. докл. и сообщ. к междунар. науч. конф., 16–17 ноября 1993 г. / отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа : УНЦ РАН : АН РБ, 1993. Ч. 1. С. 112–123.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 82. Д. 27.
18. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. [4], IV, 898, XVII с.
19. Лысенко Ю.А. К вопросу о налоговой политике Российской империи в отношении казахского общества // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-2 (80). С. 176–183.

References

1. Troitskaya, O.V. (2012) Mezhdunarodnyy migratsionnyy rezhim [International Migration Regime]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 10(2(29)). pp. 142–152.
2. Moiseev, V.A. (2003) *Rossiya i Kitay v Tsentral'noy Azii* [Russia and China in Central Asia]. Barnaul: Azbuka.
3. Voskresenskiy, A.D. (1995) *Diplomaticheskaya istoriya russko-kitayskogo Sankt-Peterburgskogo dogovora* [Diplomatic History of the Russo-Chinese St. Petersburg Treaty]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
4. Iontsev, V.A. (1999) *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya* [International Population Migration: Theory and History of Study]. Moscow: Dialog-MGU.

5. Zaslavskaya, T.I. (2002) *Sotsial'naya transformatsiya rossiyskogo obshchestva: deyatel'nostno-strukturnaya kontseptsiya* [Societal Transformation of Russian Society: An Activity-Structural Concept]. Moscow: Delo.
6. Mukomel, V.I. (2005) *Migratsionnaya politika Rossii. Postsovetские контексты* [Migration Policy of Russia. Post-Soviet Contexts]. Moscow: Dipol'-T.
7. Mukomel, V.I. (2003) *Natsional'nye men'shinstva. Pravovye osnovy i praktika obespecheniya prav lits, prinaldezhashchikh k natsional'nyim men'shinstvam, v sub"ektakh yuga Rossiyskoy Federatsii* [National Minorities. Legal Foundations and Practice of Ensuring the Rights of Persons Belonging to National Minorities in the Subjects of the South of the Russian Federation]. Moscow: Dipol'-T.
8. Anisimova, I.V. (2012) Pozitsii tsentral'nykh i regional'nykh vlastey po voprosu o reglamentatsii migratsii kazakhov v yuzhnosibirskiy region [Positions of Central and Regional Authorities on the Regulation of Kazakh Migration to the South Siberian Region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(20). pp. 199–202.
9. Tynysov, B.A. (2012) Rasselenie kazakhov na territorii Omskogo Priirtysh'ya (konets XIX – pervaya tret' XX v.) [Settlement of Kazakhs in the Omsk Irtysh Region (Late 19th – First Third of the 20th Century)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4(19). pp. 142–149.
10. Bekmakanova, N.E. (1980) *Formirovanie mnogonatsional'nogo naseleniya Kazakhstana i Severnoy Kirgizii (poslednyaya chetvert' XVIII – 60-e gody XIX v)* [The Formation of the Multinational Population of Kazakhstan and Northern Kyrgyzstan (Last Quarter of the 18th Century – 1860s)]. Moscow: Nauka.
11. Alekseenko, N.V. (1981) *Naselenie dorevolutsionnogo Kazakhstana (chislennost', razmeshchenie, sostav, 1870–1914 gg.)* [The Population of Pre-Revolutionary Kazakhstan (Size, Distribution, Composition, 1870–1914)]. Alma-Ata: Nauka of the Kazakh SSR.
12. Tatimov, M.B. (1978) *Razvitie narodonaseleniya i demograficheskaya politika (sotsial'no-filosofskie aspekty sistemnogo izucheniya i kompleksnoy razrabotki)* [Population Development and Demographic Policy (Socio-Philosophical Aspects of Systemic Study and Comprehensive Development)]. Alma-Ata: Nauka.
13. Gurevich, B.P. (1983) *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noy Azii v XVII – pervoy polovine XIX v.* [International Relations in Central Asia in the 17th – First Half of the 19th Century]. Moscow: Nauka.
14. Syroezhkin, K.L. (1994) *Kazakhi v KNR: ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya* [Kazakhs in the PRC: Essays on Socio-Economic and Cultural Development]. Almaty: Institute for the Development of Kazakhstan.
15. Mendikulova, G.M. (1997) *Kazakhskaya diaspora istoriya i sovremennost'* [Kazakh Diaspora: History and Modernity]. Almaty: Gylym.
16. Mukanova, G.K. (1993) *Emigratsiya kazakhov v Sin'tsyan v poslednie gody XIX – nachale XX vv.* [Emigration of Kazakhs to Xinjiang in the Late 19th – Early 20th Centuries]. In: Kuzeev, R.G. (ed.) *Rossiya i Vostok: problemy vzaimodeystviya* [Russia and the East: Problems of Interaction]. Vol. 1. Ufa: RAS. pp. 112–123.
17. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 82. File 27.
18. Russian Empire. (1845) *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1845 g.* [Code of Criminal and Correctional Penalties of 1845]. St. Petersburg: 2nd Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
19. Lysenko, Yu.A. (2013) *K voprosu o nalogovoy politike Rossiyskoy imperii v otnoshenii kazakhskogo obshchestva* [On the Tax Policy of the Russian Empire towards Kazakh Society]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-2 (80). pp. 176–183.

Сведения об авторе:

Лысенко Юлия Александровна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой востоковедения Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: iulia_199674@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Lysenko Yulia A. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Oriental Studies, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: iulia_199674@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 23.06.2025; accepted for publication 17.09.2025